

ХАРУКИ МУРАКАМИ

ХАРУКИ МУРАКАМИ

Подземка

МОСКВА
2017

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
М91

Haruki Murakami
ANDAGURAUNDO

Copyright © Haruki Murakami, 1997, 1998

Перевод с японского
Андрея Замилова и Феликса Тумаховича

Серия «Pocket book»

Оформление *А. Саукова*
Фотография на обложке: © LushPix / DIOMEDIA

Серия «Мураками-мания»
Разработка серийного оформления *А. Старикова*
Оформление художника *Виктора Неланеда*

Мураками, Харуки.

М91 Подземка / Харуки Мураками ; [пер. с яп. А. Замилова, Ф. Тумаховича]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 608 с.

ISBN 978-5-699-96145-0 (Pocket book)

ISBN 978-5-699-96144-3 (Мураками-мания)

Вы кому-то отдали часть своего «Я» и получили взамен это? Вы уступили часть своей личности некой системе? Если это так, система эта когда-нибудь потребует от вас совершить какое-то «безумство»? Повесть, которую вы сейчас имеете, — действительно ли она ваша? И свои ли сны вы видите по ночам? Не могут ли они быть видениями какого-то другого человека и в какой-то момент превратиться в кошмар? Перед вами не просто книга выдающегося японского прозаика Харуки Мураками о жертвах зариновой атаки в токийском метро в марте 1995 года. Это прежде всего произведение о современных японцах, написанное ими самими, — и уникальное повествование, актуальное в любой стране, пока в мире существует угроза терроризма.

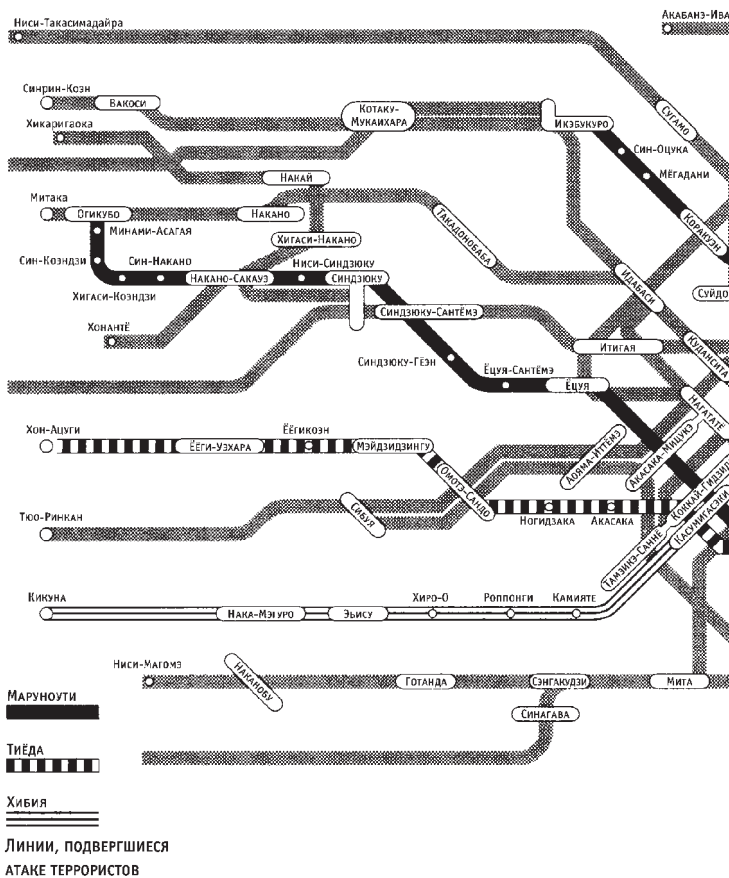
УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

© А. Замилов, перевод на русский
язык, 2017
© Ф. Тумахович, перевод на русский
язык, 2017

ISBN 978-5-699-96145-0 © Издание на русском языке, оформление.
ISBN 978-5-699-96144-3 ООО «Издательство «Э», 2017

Оглавление

Предисловие	9
Линия Тиёда. <i>Поезд A725K</i>	23
Линия Маруноути (до Огикубо). <i>Поезд A777</i> . .	109
Линия Маруноути (до Икэбукуро, в обратную сторону). <i>Поезд B701 / A801</i> . . .	196
Линия Хибия (отправление с Нака-Мэгуро). <i>Поезд B711T</i>	224
Линия Хибия (отправление с Кита-Сэндзю до Нака-Мэгуро). <i>Поезд A720S</i>	298
Линия Хибия. <i>Разные поезда</i>	369
Слепой кошмар. Куда мы идем?	574

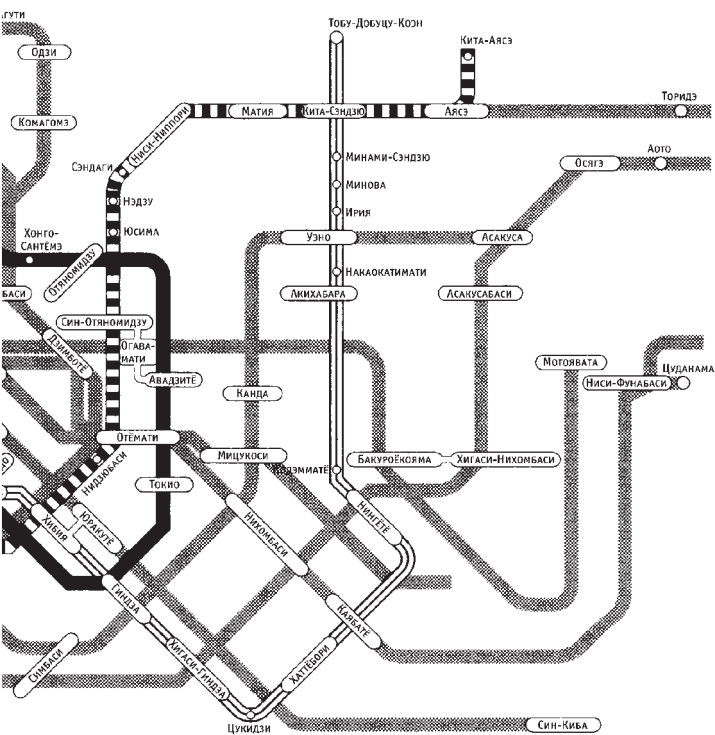

Схема токийского метро. Понедельник, 20 марта 1995 г.

Предисловие

Как-то раз после обеда я взял в руки лежавший на столе журнал. Пролистнул несколько страниц, пробега глазами отдельные статьи, пока мой взгляд не остановился на колонке читательских писем. И я начал читать их одно за другим. Зачем — сейчас уже не вспомню. Может, просто взбрело в голову. А может, и от безделья. Ведь я нечасто беру в руки женские журналы, и уж тем более — просматриваю читательские письма.

Там было письмо от женщины, чей муж потерял работу после зариновой¹ атаки в токийском метро. Ему не повезло — по пути на работу он оказался в одном из вагонов, где выпустили газ. Потерял сознание, попал в больницу, через несколько дней его выписали, но, к несчастью, возникли осложнения, и он не смог работать, как прежде. Сначала все шло

¹ Зарин — боевое отравляющее вещество нервно-паралитического действия. Изопропилметилфлуорофосфат, бесцветная жидкость, температура кипения 151,5°C; смертельная концентрация в воздухе 0,07 мг/л при экспозиции 1 мин; концентрация ок. $2 \cdot 10^{-3}$ мг/л вызывает сильный миоз (сужение зрачка). Разработан немецкими химиками в 1930-х годах в преддверии гитлеровской подготовки ко Второй мировой войне. В 1980-х годах использовался Ираком в боевых действиях против Ирана и курдов. В 26 раз смертельнее цианистого калия: капли зарины размером с булавочную головку достаточно для того, чтобы убить человека. — *Прим. ред.*

терпимо, однако со временем начались колкости от начальства и коллег. Муж не вынес насмешек и уволился — словно его вышвырнули на улицу.

Найти сейчас этот журнал я не могу, поэтому вряд ли вспомню письмо дословно, но суть примерно такова.

Насколько я помню, в тексте не было никаких жалоб, хотя сказать, что женщина не обижена на судьбу, тоже нельзя. Такое спокойное письмо, может, несколько брюзгливое. Казалось, она недоумевает, как такое могло случиться. Удивленно склоняясь под этим внезапным ударом судьбы.

Прочитав письмо, я был в шоке. Действительно — как такое могло случиться?

Я уверен: душевная рана этих супругов глубока и болезненна, и мне жаль их от всего сердца. Но вместе с тем я понимал, что одной жалости им недостаточно.

Ну и что — что я могу для них сделать? Ровным счетом ничего. Я, как, пожалуй, и большинство читателей, глубоко вздохнул, закрыл журнал и вернулся к собственной жизни, полной забот.

Несколько позже я вспомнил об этом письме — так и не в силах уклониться от вопроса: «Почему?» То был очень внушительный знак вопроса.

Почему, к своему несчастью, пострадавшие не могут обойтись только болью самого инцидента, а вынуждены терпеть и жуткое по сути своей «вторичное бедствие», иными словами — насилие, порождаемое обычным обществом. Действительно ли среда не могла это остановить?

Сейчас я думаю так:

Все попытки демагогов подвести двойственное насилие, что обрушилось на головы молодых служащих, под теорию, откуда тянутся истоки бедствия — из ненормального или нормального мира, — вряд ли в чем-либо убедят очевидцев. Скорее всего, они вряд ли смогут соотнести двойственное насилие с «теми» или «этими». И чем чаще задумываешься, тем больше склоняешься к мысли, что корни насилия — одинаковы.

Мне захотелось узнать больше о женщине, написавшей это письмо. Узнать больше о ее муже. Мне лично. Мне захотелось узнать правду о нашем обществе, которое так хлестко бьет с обеих рук.

Решение взять интервью у пострадавших от зарплатной атаки пришло в голову несколько позже.

Естественно, то письмо — не единственный повод для написания этой книги. Оно — просто некая свеча зажигания. К тому времени у меня внутри уже созрело несколько мотивов для начала работы над этой книгой. Но об этом я в свой черед поведаю ближе к концу. А пока... хотелось, чтобы ты, читатель, начал эту книгу читать¹.

* * *

Мы разговаривали с людьми год — с января по декабрь 1996-го. Встречались со всеми, кто откликнулся на нашу просьбу, и беседовали по полтора-два часа, записывая все на кассету. Естественно, в среднем, потому что иногда интервью затягивались часа на четыре.

¹ Хочу сразу предупредить, что идея композиции этой книги заимствована мной из работ Стадса Тёркела и Боба Грина. — *Прим. автора.*

После этого записи расшифровали и сделали на их основе текст. Иными словами, напечатали все, что люди говорили, за исключением не имеющих отношения к делу отступлений. Разумеется, нередко истории затягивались. Или же, как это часто бывает в повседневной речи, люди перескакивали с одной темы на другую, разговор уходил в сторону, а то и вообще обрывался, затем внезапно возобновляясь. Кое-что пришлось сократить, кое-что поменять местами, расставить акценты, удалить повторы, некоторые фразы разъединить, некоторые — срастить, сделать текст читабельным и довести книгу до приемлемых объемов. Оставь мы текст таким, каким он получился на основании записей, и нюансы потерялись бы. Мы раз за разом прослушивали кассеты, проверяя все до мелочей. Но по некоторым обстоятельствам оставили текст с кассет неизменным только в трех случаях.

Более того, в основу черновика легли наши личные впечатления и воспоминания о людях. Но как ни пытайся уловить мелочи, как ни вслушивайся раз за разом в кассету, если не прочувствовать атмосферу места событий, суть диалога окажется утерянной и рассказы очевидцев лишатся всякой силы. Таким образом, вслушиваясь в реплики людей, я старался как можно сильнее сосредоточить внимание на собеседнике, чтобы пропустить через себя все услышанное.

Только один раз нам было отказано в записи. В телефонном разговоре мы упомянули, что хотим записать разговор на кассету, но когда вынули из сумки диктофон, встретившись с этим человеком, он отказался: «Нет, ничего не знаю». Ничего не поделаешь — пришлось записывать в блокнот цифры и названия мест, о которых он рассказывал. После двухчасовой беседы, вернувшись домой, я сразу же уселся за стол

и написал черновик. На основании пометок и воспоминаний о том, что рассказывал этот человек, я попытался воспроизвести наш диалог и был восхищен свойствами человеческой памяти, способной прийти на помощь при необходимости. Такая работа, возможно, для кого-то — занятие повседневное. Но едва мы сделали черновик, тот человек отказался от публикации. И все наши усилия пошли прахом.

Всех, с кем нам удалось побеседовать, отыскиали мои помощники-исследователи Сэцуо Осигава и Хидэми Такахаси. Они применяли два способа:

— поиск имен собственно пострадавших во время зариновой атаки в токийском метро, опубликованных в газетах или другими средствами массовой информации;

— опрос окружающих: «Не знаете ли того, кто пострадал от зарина?»

Если честно, работа выдалась куда сложнее, чем мы предполагали. В самом начале мы легкомысленно считали, что собрать материалы для книги не составит большого труда — с учетом такого огромного количества пострадавших. Но на самом деле все оказалось не так просто.

Списки жертв существовали лишь в юридических инстанциях: суде и прокуратуре. Разумеется, в интересах самих пострадавших доступ к этим документам для посторонних глаз был закрыт. То же самое можно сказать и про списки госпитализированных. С трудом нам удалось узнать имена людей, попавших в больницы, по газетным статьям в день происшествия. Но то были одни имена, без адресов и телефонов.

Первым делом мы составили список известных 700 госпитализированных, и работа закипела. Но

удалось установить личности лишь около 20 % людей из этого списка. Так, например, очень часто встречалось имя «Итиро Накамура». Не имея других данных, установить, что это за человек, было практически невозможно. Но, пройдя и этот этап, мы смогли отыскать примерно 140 человек, большая часть которых, однако, отказалась от интервью под разными предлогами: «не хотим больше вспоминать этот кошмар», «не хотим иметь дело с «синрикёвцами», «писакам доверия нет» и т.п. В частности, нас поразили недоверие и антипатия к средствам массовой информации — они превосходили все наши предположения. Нередко телефонную трубку бросали, едва слышали название издательства. В конечном итоге, дать интервью согласилось лишь около 40 % от этих 140 с лишним человек.

Со временем, по мере арестов почти всех главных действующих лиц секты «Аум Синрикё»¹, страх на-

¹ «Аум Синрикё» — религиозная группа, основанная в 1987 г. акупунктуристом и «народным целителем» Сёко Асахарой (Тидзуо Мацумото, р. 1955; в феврале 2004 г. приговорен к смертной казни через повешение, но по состоянию на ноябрь 2005 г. приговор в исполнение не приведен). Название складывается из индуистского обозначения «сил вселенского разрушения и созидания» «аум» (ом) и трех слогов японской системы письма кандзи: «син» (истина, реальность, буддистская секта), «ри» (разум, истина, справедливость) и «кё» (учение, вера, доктрина).

Учение представляет собой смесь индуистских, буддистских и даосистских верований. В 2000 г. секта переименована в «Алеф» и с 1999 г. возглавляется Фумихиро Дзёю. В 1995 г. численность ее составляла 9000 (в Японии) и 40 000 (по всему миру, с центрами в Шри-Ланке, Нью-Йорке, Бонне и Москве), по данным на 2004 г. численность «Алефа» — 1500—2000 человек. С 2000 г. секта находится под наблюдением правительственных органов Японии как по-прежнему представляющая опасность для общества. — *Прим. ред.*

селения перед этой организацией ослаб, но люди зачастую отказывались, считая, что причиненный им вред не так силен, чтобы об этом говорить. Может, это просто была отговорка. Поди проверь... В нескольких случаях сам пострадавший был не против дать интервью, но его отговаривали окружающие: мол, с нас довольно и того, что было. И это был веский аргумент — мы лишались новых свидетельств. Из всех профессий среди «отказников» наиболее часто оказывались государственные служащие и работники финансовых структур.

Главная причина малого количества опрошенных женщин — в том, что невозможно установить личность человека только по имени. А кроме того — хотя это лишь мое личное предположение, — молодых девушек сдерживал фактор предстоящего замужества. Несколько человек призналось, что родственники были против интервью, но они все-таки согласились.

Таким образом, несмотря на официальные заявления о 3800 жертвах, потребовалось немало времени и усилий, чтобы отыскать около шестидесяти пострадавших, согласных дать показания.

У нас была и возможность обратиться к жертвам через средства массовой информации. Так и сказать: «Я собрался написать вот такую книгу и хотел бы с вами побеседовать». Используя мы ее, наверное, количество опрошенных бы возросло. И всякий раз, когда работа заходила в тупик, нас охватывал соблазн прибегнуть к этому способу, однако после многократных консультаций с исследователями и редактором мы отклонили его по следующим причинам: